

УДК 94(4/9); 39; 572.9

Н.Б. Ем

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, к.и.н.,
Республика Казахстан, г. Алматы
E-mail: Natalya.Yem@kaznu.kz

**Мультикультурализм в Южной Корее: новый миф и реальность
(случай брачных мигрантов)**

*Данная работа осуществлялась при поддержке Korea Foundation
(Fellowship for Field Research 2013)*

В результате стремительного увеличения в Южной Корее численности трудовых и брачных мигрантов из азиатских стран иностранное население составляет около 2% всего населения. Моноэтническое государство активно проводит политику мультикультурализма в стране, решая демографические проблемы низкой рождаемости, старения населения, дефицита потенциальных невест в силу предпочтения рождения сыновей. Однако реальная ситуация этой политики несет в себе элементы ассимиляции, а не интеграции брачных мигрантов в Корею. Одновременно государство говорит о принятии мигрантов в качестве матерей будущих граждан и отделяет «успешную» Корею от «менее развитых стран», тем самым, ставя страну на более высокую позицию, чем азиатские страны.

Ключевые слова: Южная Корея, мультикультурализм, миграция, международный брак, женщины.

Н.Б. Ем

**Оңтүстік Кореядағы көпмәдениеттілік: жаңа аңыз және шындық
(некеге тұрған мигранттардың жағдайы)**

Мақалада Азия елдерінен некеге тұрған мигранттардың мысалында Оңтүстік Кореядағы көпмәдениеттілік саясатын жүргізудің нақты жағдайдағы нәтижелері зерттелген. Демографиялық мәселелерді шешу барысында мемлекет және қоғам некеге тұрған мигранттардың бейімделу мәселелерімен соқтығысады.

Түйін сөздер: Оңтүстік Корея, көпмәдениеттілік, миграция, халықаралық неке, әйелдер.

N. Yem

**Multiculturalism in South Korea: New Myth and Reality
(The Case of Marriage Migrants)**

The article studies the results of the policy of multiculturalism in South Korea for example, marriage migrants from Asia. Addressing demographic problems, the State and society is faced with problems of adaptation of migrants.

Keywords: South Korea, multiculturalism, migration, intermarriage, women.

С середины 2000-х годов необратимый процесс увеличения трудовых и брачных мигрантов в Южной Корее развеял миф о моноэтничности (Южная Корея только для корейцев). В 2012 году число иностранцев в возрасте 15 лет и более, ко-

торые проживали в Корее, было 1 114 тысяч человек [1].

Потребность в дешевой рабочей силе на местах 3D (грязный, трудный, опасный), которые в силу высокой образованности корейцев и их

нежелании работать на неквалифицированных рабочих местах, открыла двери трудовым мигрантам, в основном мужчинам из стран Азии. Стремительная индустриализация, урбанизация, а также половой дисбаланс, образовавшийся в результате традиционных взглядов предпочтения рождения сыновей, вызвали нехватку невест на брачном рынке Южной Кореи для сельских мужчин, а также представителей низших социальных слоев городского населения. В 2000 году доля международных браков составляла 3,5% (11 605 человек), а уже через 5 лет она увеличилась почти в 4 раза и составила 13,5%. В последующие годы доля таких браков стабильно удерживается в пределах 10% (2006 г. – 11,7%; 2007 г. – 10,9%; 2008 г. – 11,0%; 2009 г. – 10,8%; 2010 г. – 10,5%; 2011 г. – 9,0%) [2].

Структура браков значительно отличается от предыдущего периода. Как правило, в браках с мигрантами основную часть составляют браки корейских мужчин и иностранных женщин. В 2000 и 2001 годы в браках мигрантов женщины составили 59,8% и 66,7% соответственно. Начиная с 2002 года, долевой состав женщин в браке с корейскими мужчинами составил более 70%. Наивысший показатель участия иностранных женщин в браках с мигрантами отмечался в 2008 году (77,8%). Если раньше международные браки характеризовались структурой «иностранный муж – корейская жена», и иностранного партнера представляли мужчины из западных стран США, Японии, Германии, то браки с конца 1990-х годов имели структуру «корейский муж и иностранная жена». В последнем случае женщины были представлены из «менее развитых, чем Корея, стран», таких, как Китай, Филиппины, Вьетнам, Таиланд. С начала 2000-х годов здесь стали появляться браки с женщинами из стран постсоветского пространства (Россия, Узбекистан, Казахстан, Кыргызстан). В итоге закрепились определенная схема мультикультурной семьи, в соответствии с якобы работающей в Корее теории миграции «гипергамии», когда мигрирующие женщины как невесты из развивающихся стран выходят замуж за мужчин более низкого статуса из богатых стран (Япония, Тайвань, Южная Корея).

В результате притока иностранной рабочей силы и брачных мигрантов Корея испытывала необратимый процесс вхождения в мультикультурное пространство. В политических, акаде-

мических кругах, а также СМИ стали разворачиваться дискуссии о мультикультурализме в Корее.

Термин «мультикультурализм» возник в 60-е годы XX века в Канаде. На рубеже 80-х – 90-х годов XX века данный термин стали включать в словари по социологии, политологии и философии, и 90-е годы XX века можно считать временем расцвета мультикультурализма, когда он стал признаваться решением многих социальных проблем. Один из пионеров исследования мультикультурализма в его североамериканском варианте, известный американский этнополитолог Натан Глэйзер определил мультикультурализм как «комплекс разнообразных процессов развития, в ходе которых раскрываются многие культуры в противовес единой национальной культуре» [3].

Принятие мультикультурной интеграционной модели государством означает, что оно открыто для иноэтничных мигрантов и несет ответственность за создание условий для их интеграции. Поэтому на первом этапе формирования концепций мультикультурализма его главной задачей выдвигалось создание таких правовых и политических условий, которые обеспечивали бы равный статус меньшинств и национального большинства, равные шансы на сохранение и развитие их культур. В осуществлении мультикультурной перспективы ведущая роль принадлежит государству и его институтам. Корейское правительство осознавало, что мультикультурализм выступает как особая политическая программа, система специальных политико-правовых, социальных и культурных мероприятий, инициируемых и осуществляемых государством по отношению к иностранцам, но при этом теряло равновесие в осуществлении программ по отношению к культуре и языку национального большинства.

В 2006 году правительство Но Му Хена вводит т.н. «Великий план», Всеобъемлющую политику социальной интеграции иностранных жен и членов их семей. Ведущим департаментом, осуществляющим эту политику, является Министерство по вопросам гендерного равенства и семьи. План декларировал следующие направления деятельности: регулирование деятельности международных брачных агентств; поддержка жертв бытового насилия; культурная и языковая ориентация иностранных жен; поддержка

детей из мультикультурных семей в школах; предоставление социального обеспечения для иностранных жен; повышение общественной осведомленности о мультикультурализме [4]. В 2006 году принимается «Закон о поддержке международных браков сельских бакалавров», в 2007 году – «Закон о регулировании деятельности брачных агентств» (№8688), в 2008 году – «Закон о поддержке мультикультурных семей» (№8937). В результате повсеместно открываются Центры поддержки мультикультурных семей, в 2010 г. таких центров насчитывалось уже 171.

В 2010 году Национальное собрание Кореи приняло законопроект, позволяющий двойное гражданство, который вступил в силу в 2011 году. Однако вопросы правового статуса иностранных женщин все еще остаются нерешенными, он во многом остается зависим от корейского супруга до и после брака. Пересмотренный закон устанавливал, что жена корейского гражданина может получить гражданство после 2 лет проживания. Нарушение прав выделось в том, что муж ежегодно должен был подтверждать «идентичность супруги», и только с его разрешения виза супруги обновлялась. Подобные неравные отношения с иностранными женами, чей экономический статус был хуже, чем мужа, ставило ее в зависимое положение от мужа и его семьи. Статус потенциального гражданина в такой ситуации «зависит от способностей женщин мигрантов исполнять роль жены, матери, снохи, укрепляя связь между семьей и государством» [5].

Такие женщины все еще лишены возможности получения пособий по социальному обеспечению. Их слабые коммуникативные способности и ограниченный доступ к информации порождают трудности адаптации. Недоверие со стороны мужа и его семьи еще более осложняет их жизнь. Кроме того, женщины-мигранты могут подвергаться расовым предрассудкам, главным образом потому, что они являются женщинами из «развивающихся стран». Наиболее распространенными стереотипами являются высказывания: «замуж только за деньги, так как ее страна является бедной», «она заинтересована только в передаче денег домой», «она может отказаться от семьи и в любое время бежать» [6]. В итоге преобладает негативное восприятие иммигрантов как «авантюристов, использовавших брак для миграции, а также потенциальных жертв торговли людьми и бытового насилия». Одновременно

средства массовой информации культивируют образ женихов, как представителей низкого социального статуса, которые не смогли жениться и «обращаются к сомнительным организациям в поисках жены третьего мира» [7]. Неравные отношения, экономическое неравенство, трудности коммуникации и трудоустройства, социальная изоляция, стереотипное отношение со стороны корейского общества, дискриминация как «женщины из бедной страны» в совокупности создают «невидимые» для корейского общества трудности адаптации иностранных женщин в браке с мужчиной Южной Кореи.

Мультикультурные семьи в Южной Корее относятся к низким социально-экономическим слоям. Такие семьи с ежемесячным доходом в 1-2 млн корейских вон составили 38,6%, менее 1 млн вон – 21,5%, в то время, как средний ежемесячный доход в корейских домохозяйствах в 2009 году составил 3 432 021 вон (около 3000 долларов США). Демонстрируя многокультурность страны, государство все еще не способно удовлетворить потребности мультикультурных семей с низкими доходами [8]. В статистических материалах отсутствуют сведения о трудовой занятости брачных мигрантов, что объясняется их работой на дому. Большинство женщин мигрантов хотят работать, но многие не могут обеспечить себе занятость. Лишь некоторые работают в качестве неквалифицированной рабочей силы. Работа женщин-мигрантов в большинстве случаев не связана с уровнем их образования и карьеры в их родной стране. Правительство предоставляет учебные программы, ориентированные на знакомство с корейской культурой, возможности получения профессионального образования для иммигрантских жен пока нет.

В корейском обществе существует тенденция признания иммигрантских жен не как независимых граждан, а как жены корейского мужчины, снохи, матери корейских детей. По сути, декларируя патриархальную идеологию корейской семьи, общество ассимилирует их в корейское общество без их согласия. Предоставляя услуги по изучению корейского языка, обычаев и традиций, открывая курсы по приготовлению корейской еды, акцент делается на «растворении» в корейском обществе. Женщины-мигранты в браке практически не получают равно к себе отношения, интереса к ней как к равному субъекту нет, общество не видит необходимости понима-

ния культуры страны, из которой они прибыли. Кроме того, «корейцы все еще имеют сильное чувство национализма и культурной однородности, и им нелегко признать культурное многообразие» [9].

Появляются академические предложения по усовершенствованию системы здравоохранения и предоставления социальных услуг мультикультурным семьям. Общество выражает беспокойство об уровне психического и психологического состояния женщин в результате постоянной подверженности депрессиям, определяя главную функцию иностранной жены в процессе воспроизводства семьи и ухода за престарелыми родителями [10].

Часто акцентируется внимание на неспособность иностранных матерей создать условия для полноценной социализации детей в мультикультурных семьях по причине их ограниченных языковых возможностей. В результате предвзятое отношение к иностранным матерям переносится на детей. Это проявляется в неологизме, который был придуман по отношению к детям, которые родились от смешанных браков – «Kosians». Термин был впервые представлен в 1997 году в Корее гражданскими группами, которые изучали вопросы, связанные с присутствием рабочих-мигрантов. Термин был популяризован в 2004 году, когда некоторые газеты использовали его в ходе специального раздела по международным бракам в сельской местности. Термин «Kosian» относится к детям от браков корейцев с другими азиатами, как правило, между корейскими мужчинами и женщинами Юго-Восточной Азии. Дискуссии, которые разворачиваются в СМИ вокруг таких детей, производят впечатление, что дети в мультикультурных семьях являются «проблемными», и они нуждаются в социальной помощи. Уроки корейского языка иммигрантским женам предоставляются пра-

вительством, но они только получают субсидии на пять месяцев, что помогает им достичь лишь элементарных знаний, недостаточных для общения с детьми. Представитель от Департамента по сохранению социального обеспечения семьи подчеркивает «отсутствие государственной поддержки по уходу за детьми для мигрантов невест как одной из главных причин, почему страдают многокультурные семьи и их дети». Кроме того, решение проблем корейского образования по отношению к таким детям, не имеет общественной поддержки. По данным опроса родителей в г. Ансан, несмотря на то, что 80% положительно высказались о поддержке детей из мультикультурных семей, только 10% были готовы платить более высокие налоги для реализации этой поддержки [11].

В реальных условиях современное корейское общество еще стоит в начале пути, когда решение социально-демографических и экономических проблем социума в условиях стремительно развивающейся экономики путем привлечения женщин брачных мигрантов будет оправдано мультикультурализмом, как одним из аспектов толерантности, заключающейся в требовании параллельного существования культур в целях их взаимного проникновения, обогащения и развития.

Брачным мигрантам в таких условиях необходимо пройти процесс социальной интеграции, когда они смогут приобрести чувство принадлежности к корейскому обществу и нации в качестве полноправного члена. Средства социальной интеграции, где иммигранты имеют те же права и обязанности, что и корейские граждане, находятся в руках и правительства, и местных органов власти, и важным является здесь не гордость национальной культурой, а восприятие культурного многообразия, где нет меньшинства и неравенства.

Литература

- 1 Foreigner Labour Force Survey 2012 // <http://kostat.go.kr/portal/english/news/1/16/3/index.board?bmode=read&bSeq=&aSeq=273073&pageNo=1&rowNum=10&navCount=10&currPg=&sTarget=title&sTxt=> (Дата обращения 23.03.2013)
- 2 Международные браки. Министерство гендерного равенства и семьи Кореи // http://www.index.go.kr/egams/stts/jsp/potal/stts/PO_STTS_IdxMain.jsp?id_x_cd=2430 (Дата обращения 23.03.2013)
- 3 Glazer Nathan. We Are All Multiculturalists. Now Cambridge, Mass. Harvard University Press, 1997.

- 4 Lee Hye-Kyung. International Marriage and the State in South Korea: Focusing on Governmental Policy // *Citizenship Studies*. – 2008. – №12 (1). – P.107-123.
- 5 Chung, Erin Aeran; Kim, Daisy. Citizenship and Marriage in a Globalizing World: Multicultural Families and Monocultural Nationality Laws in Korea and Japan // *Indiana Journal of Global Legal Studies*. – 2012. – №19 (1). – P.195-219.
- 6 Kim Yi Seon, The Reality of Female international Marriage Migration and Challenges for the Government of the Republic of Korea. 2006 // <http://www.unescap.org/esid/.../KimYiSeon.pdf> (Дата обращения 07.12.2011)
- 7 Be' langer Danie`le, Lee Hye-Kyung and Wang Hong-Zen. Ethnic Diversity and Statistics in East Asia: «Foreign Brides» Surveys in Taiwan and South Korea // *Ethnic and Racial Studies*. – 2010. – №33 (6). – P.1108-1130
- 8 Lee Hyunok. Political Economy of Cross-Border Marriage: Economic Development and Social Reproduction in Korea // *Feminist Economics*. – 2012. – №18 (2). – P.177-200.
- 9 Kim Hyun-Sil. Social Integration and Health Policy Issues for International Marriage Migrant Women in South Korea // *Public Health Nursing*. – 2010. – №27 (6). – P.561-570.
- 10 Kim, Jung A.; Yang, Sook Ja; Kwon, Kyoung Ja; Kim, Jee Hee. Predictive Factors of Depression among Asian Female Marriage Immigrants in Korea. // *Nursing & Health Sciences*. – 2011. – №13 (3). – P.275-281; Ahn Yang-Heui. Immigrated, interculturally-married women in South Korea: Mental Health Status, Health Care Utilization, And Suggested Policy Directions // *World Cultural Psychiatry Research Review*. – 2012. – №7 (1). – P.21-24.
- 11 Lee Mary. Mixed Race Peoples in the Korean National Imaginary and Family // *Korean Studies*. – 2009. – №32 (6). – P.56-85.